

1. Doerfer G. Khalaj materials. Bloomington, 1971 (=Uralic and Altaic Series. V. 115).
2. Doerfer G., Tezcan S. Wörterbuch des Chaladsch: Dialekt von Xarrab. Вр., 1980 (=Bibl. Orientalis Hungarica. XXVI).
3. Laude-Cirtautas I. Schriftenverzeichnis G. Doerfer // CAJ. 1985. V. 29. № 1—2.
4. Дёрфер Г. Махмуд Кашгари: аргу, халадж // СТ. 1987. № 1.
5. Дёрфер Г. Является ли халаджский язык диалектом азербайджанского? // СТ. 1974. № 1.
6. Дёрфер Г. О трех количественных градациях гласных в тюркских языках // СТ. 1976. № 4.
7. Дёрфер Г. О количественной градации

- гласных в халаджском языке // СТ. 1987. № 5.
8. Рассадин В. И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М., 1978. С. 249—250.
9. Грамматика хакасского языка. М., 1975. С. 108.
10. Коржушин И. В. Система времен глагола в алтайских языках. М., 1984. С. 36—39.
11. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Морфология, М., 1988. С. 410.
12. Johanson L. Aspekt im Türkischen. Uppsala, 1971.
13. Юсупов Ф. Ю. Изучение татарского глагола. Казань, 1986. С. 287.

Насилов Д. М.

Typology of resultative constructions / Ed. by Nedjalkov V. P. English translated by Comrie B. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins publishing company, 1988. XX + 573 p. (Typological studies in language. 12.)

В продолжающейся серии «Typological studies in language» вышел в свет перевод одной из наиболее значительных работ Ленинградской типологической школы — коллективной монографии «Типология результативных конструкций» [1]. К сожалению, языковой барьер не дает возможности многим зарубежным лингвистам, и в том числе типологам, следить за работой своих советских коллег. Отдельные статьи наших исследователей, опубликованные по-английски, обычно фрагментарны и недостаточно информативны. Поэтому очень важно, что в переводе появилась одна из наших лучших книг по лингвистической типологии, последовательно и полно излагающая целую концепцию и насыщенная разнообразным языковым материалом. В предисловии к англоязычному изданию редактор монографии В. П. Недеяков выражает надежду, что оно будет способствовать сближению и лучшему взаимопониманию западных и советских лингвистов (с. XIII).

По сравнению с первым изданием, охватывающим 20 языков, монография пополнилась главами о результативе в алеутском (Е. В. Головки), эве (В. П. Литвинов, К. Агбоджо), догон (В. А. Плунгян) и тонганском (М. С. Полинская) языках. Главы, посвященные эскимосскому (Н. Б. Вахтия), монгольскому (Г. С. Дугарова, Н. С. Яхонтова), узбекскому (Д. М. Насилов), индонезийскому (Агус Салим, А. К. Оглоблин, В. П. Недеяков),

норвежскому (В. П. Берков), литовскому (Э. Ш. Генюшене, В. П. Недеяков), армянскому (Н. А. Козинцева) и русскому (Ю. П. Князев) языкам, были полностью или частично переработаны, некоторые — снабжены дополнительным материалом. Добавлены две теоретические главы, посвященные классификации результативов (С. Е. Яхонтов) и обзору полученных в монографии результатов (И. Ш. Козинский). Фактически речь идет не о новом издании, а о новой книге, увеличившейся почти на треть по сравнению со своим прототипом. В «Вопросах языкознания» была опубликована рецензия на первое издание [2], поэтому мы позволим себе несколько большее внимание уделить тому, что впервые появилось в англоязычной версии.

Основы теории результативных конструкций, разработанной В. П. Недеяковым и С. Е. Яхонтовым, были заложены еще в статьях А. А. Холодовича, В. П. Недеякова и Г. А. Отаиной [3, 4] и включают следующие основные положения. Результативом называется форма, имеющая значение состояния, регулярно образуемая от глаголов со значением действия или процесса. Различаются собственно результативы, обозначающие состояние предмета, которое предположительно предшествующее действие, и стивы — формы, образованные от глаголов действия, но обозначающие только состояния (например, *Деревня окружена ле*

ом, откуда не следует: *Лес окружил деревню*). Ср. следующие предложения с акциональными глаголами совершенного вида и соответствующие им результативные конструкции: *Рана воспалилась — Рана воспалила; Он открыл дверь — Дверь открыта*. Опозиция результативной и нерезультативной форм в различных языках выражает такие характерные типы противопоставленных значений, как «сел» и «сидит», «надел шляпу» и «в шляпе», «повесил» и «висит», «схватил» и «держит». Результативы образуются обычно только от предельных глаголов, т. е. от таких, которые обозначают переход из одного состояния в другое или приобретение качества. Переводчик выбрал здесь удачный эквивалент — «terminative», избегая привычного «telic», который в аспектологии имеет несколько иное значение [5].

По соответствию между субъектом состояния и актантами предшествующего действия различается два основных диатезных типа результатива: субъектный (субъект состояния соответствует субъекту действия: *Он простудился — Он простужен*) и объектный (субъект состояния соответствует объекту, например, *Палку сломали — Палка сломана*). Если субъектный результатив образуется от переходного глагола, объект чаще всего обозначает часть субъекта, нечто ему близкое или принадлежащее; такой результатив называется посессивным (например, русск. диал. *Он надевши шапку*, чему в литературном языке по смыслу может соответствовать лишь конъюнкция двух предложений: *Он надел шапку и Он в шапке*).

В. П. Недялков и С. Е. Яхонгов выделяли основные отличия результатива от перфекта. Последствия действия, обозначаемого перфектом, имеют очень общий характер и, в отличие от результатива, не обязательно привязаны к конкретному предмету или лицу. Далее, различие перфекта и результатива просматривается в сочетаемостных признаках большого числа языковых единиц. Так, форма перфекта может быть образована от всех глаголов, а результатив образуется с ограничениями. Обстоятельства со значением длительности (*в течение двух часов, весь день*) при перфекте обозначают длительность действия, при результативе — длительность состояния; по-разному ведут себя при перфекте и результативе также обстоятельства момента (*в семь часов*) и обстоятельства места.

Отметим, впрочем, что без тщательной лексикографической разработки слов с временным значением аргументация, использующая поведение обстоятельств времени, неизбежно выглядит схематичной

и предварительной. На наш взгляд, здесь было бы великим решением нескольких вспомогательных задач. Во-первых, при чтении монографии ощущается отсутствие единой семантической классификации обстоятельств времени. Во-вторых, можно было бы дать хотя бы грубые и приблизительные толкования основных диатезических значений временных обстоятельств; иначе при изучении результативов во многих языках работа с этими обстоятельствами осложняется обилием дополнительных значений; ср. в цезском языке наречие *žin* («в момент времени T_2 Р имеет место, и в момент времени $T_1 < T_2$ Р имеет место»), которое с обозначениями состояния переводится как «все еще», а с обозначениями действий и процессов — «еще раз»: *žin q'l'ida ičiš* «снова сел» (аорист), но *žin q'l'ida ičāsi* «все еще сидит» (результатив). В-третьих, особой разработки требует проблема изменения сочетаемостных признаков обстоятельств при изменении временной или таксисной форм результатива. Например, в презенсе результатив, по-видимому, всегда относится к актуальному настоящему и может быть легко отделен от перфекта с помощью критериев актуального настоящего (несочетаемость с наречиями типа «потом», «только что» и др.); к результативным формам других времен такие критерии в общем случае неприменимы, ср. абхазский посессивный результатив в прошедшем времени *wabrəz'dəcəʒ'a ajma iš'açanə imən* «только-что обувь надевши он-имел» («он только что был в обуви») при невозможности того же наречия в настоящем: **wabrəz'dəcəʒ'a ajma iš'açanə imowp*, букв. «только-что обувь надевши он-имеет».

В монографии подробно описаны возможные способы маркирования, лексическое наполнение и семантические типы результативов. Различаются конкретно-результативное («сварен», «связан» и т. п.) и общерезультативное («арестован», «уволен») значения; зрительно-восприимчивое («наблюдать») и зрительно-воспринимаемое («о нем см. ниже»), обратимое («связан», ср. «развязать») и необратимое состояния («сварен»). Особую группу составляют двухактантные результативы с локативной валентностью, образованные от трехактантных транзитивов: «послано (на чем)», «воткнуто (где)», «сложено (где)» и т. п.

Семантическая классификация результативов, на наш взгляд, нуждается в некоторых уточнениях. В соответствии с определением (с. 28), конкретно-результативное значение «...предполагает, что по наблюдаемому состоянию предмета или лица можно судить о приведем к этому

состоянию действия». Отсюда как будто следует, что некоторые обратимые значения типа «положен», «зажжен», «развязаны (о шнурах)» не являются конкретно-результативными, т. к. наблюдаемые состояния («лежит», «горит», «не связаны») не имплицитно соответствующих действий. Однако почти все примеры на общие результативы, приводимые в монографии, обозначают зрительно не наблюдаемые состояния. Это значит, что введенное разграничение конкретно-результативных и зрительно наблюдаемых значений практически не используется. Определения зрительной наблюдаемости (с. 29) не дается, однако здесь, наверное, следовало бы уточнить, что речь идет о наблюдаемости не самого объекта, а результатов действия «на объекте» (ср. «убит», «одобрен», и т. п.). В целом же в монографии предложена тонкая и глубокая семантическая классификация результативов.

Вторая часть монографии содержит описания результативов и стативов в конкретных языках. Описания невелики по объему, но благодаря сжатости изложения производит впечатление исчерпывающих, хотя полностью решить задачу, конечно, можно лишь с помощью монографического описания, ср., например [6]. Классификация, положенная в основу

порядка глав в книге, усложнена по сравнению с первым изданием. Учитывается не только наличие результатива и/или статива и совмещенность (совпадение по форме) с пассивом, но и новая классификация результативов, предложенная С. Е. Яхонтовым. Эта классификация опирается на разграничение форм с общерезультативным значением и конкретно-результативных или даже более узких по значению (например, обратимых) форм. С. Е. Яхонтов при этом объединяет конкретно-результативное значение со зрительно наблюдаемым результатом (о трудностях их разграничения см. выше). Результативные формы, построенные на основе перфективных причастий со связкой, почти всегда могут иметь общерезультативное значение; объектные результаты этого типа часто совпадают с пассивом (русский, английский, армянский, хинди). Напротив, у собственно результативных маркеров (китайский, монгольский, чукотский) преобладает конкретно-результативное и даже еще более узкое значение. При наложении этого признака на формальную классификацию, которая опирается на тип диатезы, получаем восемь классов языков, из которых реально засвидетельствовано семь (с. 105; каждый язык охарактеризован в соответствии с признаками своих результативов):

	I Конкретно-результативный	II Общерезультативный
Общая форма для субъектного и объектного результата	Китайский	Немецкий
Различные формы субъектного и объектного результата	Алеутский	Литовский
Только объектный результатив	Эскимосский	Русский
Только субъектный результатив	Догон	?

Классификация С. Е. Яхонтова, на наш взгляд, может быть детализирована и дополнена следующим образом. В языках с результативами II типа каждая отпричастная форма употребляется, как правило, лишь в части результативных диатез, наследуя при этом залоговые характеристики причастий (грузинский, литовский, арабский, финский, по нашим данным — бежтинский, исключение — армянский); для I (конкретно-результативного) типа, наоборот, характерно, что одна результативная морфема выступает во всех диатезах: ср. -чжэ

в китайском, -γма (с фонетическими вариантами) в нивхском, -твса- в чукотском, -ча/ча/чо- в эвенкийском, -āsi — по нашим данным — в цезском языке: *surat bi X-āsi* «картина висит, повешена» (объектный результатив), *uži q'ida ič-āsi* «мальчик сидит, севший» (субъектный результатив), *užā šarka er-āsi* «мальчик шапку надевши» (посессивный результатив). Эти корреляции объясняются диакронически достаточно очевидным образом: общие результативы обычно происходят из причастий совершенного вида в предикативном употреблении и могут

длительное время сохранять присущие им свойства — способность образовываться от большинства глаголов, закрепленность за одной определенной диатезой, возможность атрибутивного употребления. Интересно, что при распространении причастного аффикса на все диатезы (т. е. при переходе результата II типа в результатив I типа) в «новых» для него диатезах он обычно утрачивает атрибутивную функцию, ср. русск. диал. *У него уехано* «Он уехал» при невозможности *уезанный (с. 404).

И. Ш. Козинский в гл. XXVIII ставит ряд важных проблем теории результативов и предлагает возможные решения некоторых из них. Ему, на наш взгляд, удалось убедительно продемонстрировать важнейшее отличие перфекта от результатива: результатив предполагает наличие тривиального результата действия, т. е. такого, который неотделим от лексического значения соответствующего глагола, в то время как перфект предполагает наличие любого результата этого действия (с. 500). Труднее, однако, согласиться с И. Ш. Козинским, когда он выдвигает гипотезу о независимости двух параметров, отличающих результатив от перфекта: «наличие/отсутствие тривиального результата» и «действие vs. состояние»; значение последнего параметра определяется из сочетаемости с обстоятельством времени. Возникает два вопроса: 1) может ли форма с типичным для перфекта обозначением нетривиального результата действия обозначать состояние (т. е. сочетаться с обстоятельствами длительности типа *все еще*)?; 2) может ли быть акциональной (т. е. сочетающейся с соответствующими обстоятельствами времени) форма, предполагающая тривиальный результат?

На наш взгляд, отсутствуют надежные примеры как первого, так и второго типа. Что касается первого случая, то наличие обстоятельств длительности и форм континуалиса, по имеющимся данным, автоматически превращает перфект в типичный результатив с «тривиальным» результатом. Так, форма перфекта в тонганском языке, будучи континуальной, т. е. включающей показатель длительности результирующего состояния, по данным М. С. Полинской (с. 300), превращается из акциональной в стательную, ср. *tō* «падать» — *mo'u-tō-a* «остаться упавшим»; *'ā* «просыпаться» — *mo'u-'ā-a* «остаться проснувшимся» (*-a* — суффикс перфекта, *mo'u-* — префикс дуратива). В связи со вторым вопросом И. Ш. Козинский приводит пример: *Этот мост построен до войны*, где обязательность тривиального результата (существование моста в момент речи) совмещается с типично акциональным употреб-

лением обстоятельства времени. Однако В. П. Недялков, по-видимому, правильно оценивает такие примеры не как обозначение времени действия, свойственное перфекту, а как качественную характеристику субъекта состояния (с. 54 и там же аналогичные примеры из немецкого языка). Ср. с этим русск. ²*Музей открыт в два часа*, сомнительное по крайней мере в результативном истолковании и *Музей открыт в 1970 г.*, что допустимо, т. к. акциональное обстоятельство обозначает в данном случае постоянную характеристику субъекта. Отметим здесь и возможность употребления акциональных наречий мгновенного действия с несомненным (т. е. «заведомым») результативом: польск. *W jednej sekundzie kartka była podarta* «В одну секунду записка была разорвана» (с. 367), нем. *Im Nu war auch der alte Hanfstengel niedergeschlagen* «[В] одно мгновение и старый Ханфштегел [был] сбит с ног» (с. 423).

И. Ш. Козинский рассматривает далее иерархию образования результативов: двухместные локативные > одноместные обратимые > необратимые наблюдаемые > ненаблюдаемые достояния. Если в языке имеется один из перечисленных здесь классов результативов, то в нем есть и все классы, лежащие влево от него на этой иерархии. Предпочтение обратимых результативов автор объясняет их более важной текстовой функцией: обратимые состояния и их субъекты участвуют в большем количестве внутритекстовых связей. Предпочтение «наблюдаемых» результативов автор считает в общем случае необъяснимым.

На наш взгляд, «наблюдаемый» результатив — лишь разновидность широко распространенного класса грамматических значений, которые содержат указание на то, что говорящий, не будучи свидетелем самого действия, извлекает информацию о нем из его результата. Такая граммема может быть в акциональной форме, и тогда информация извлекается либо из тривиального, либо из нетривиального результата действия (сообщения других лиц, умозаключения и т. п.). Сюда относятся, в частности, «перфект» в картвельских языках, ср. груз. *žer ar dabrunđa* «еще не вернулся» (аорист) — факт засвидетельствован самим говорящим, но *žer ar dabrunėbula* «еще не вернулся» (перфект) — говорящий судит о событии по его любому (в том числе нетривиальному) результату, например, не получив ответа по телефону от человека, возвращение которого ожидается и т. п.; цез. *qidq surat biXi-n* «на стену картину повесили» (перфект) — действие имело место в отсутствие говорящего, и он судит по результату, ср. *qidq surat biXi-s* «на стену картину повесили» (ао-

рств), действие произошло в присутствии говорящего; сюда же, по-видимому, относится и финитная форма на *-miş* в тюркских огузских языках и мн. др. Подобная же граммема может быть и в статальной форме, тогда информация о действии может быть извлечена говорящим лишь из тривиального результата, и перед нами конкретный, зрительно наблюдаемый результатив.

Привлекает внимание также разбор некоторых переходных результатов: здесь И. Ш. Козиянкий обнаруживает случаи «двойные предельных» глаголов, результативная форма от которых обозначает не одно, а два состояния: состояние субъекта и состояние объекта. Ср. в балкарском языке *Директор заместителин къыстапды да* «Директор уже уволил заместителя» (подразумевается, что не только заместитель уволен в момент речи, но и директор остается без заместителя).

Новый вариант рецензируемой монографии оставляет впечатление необычайной полноты, законченности и продуктивности всей работы. Новые части органично вошли в монографию; описательные главы полностью согласованы с теоретической частью. Уровень единообразия языковых глав заставляет читателя буквально забыть, что перед ним коллективная монография: кажется, что эти главы написаны одним автором. Как справедливо отмечает редактор перевода Б. Комря, «эта книга соединяет тщательный анализ данных из широкого круга языков со сложным и тонким теоретическим аппаратом, на основе которого можно выделить наиболее существенные синтаксические и семантические параметры и сформулировать такие обобщения, которые наиболее важны с точки зрения межъязыкового сравнения» (с. IX). Перед нами, несомненно, классический образец фундаментальной коллективной работы в области грамматической типологии. В завершение рецензии нам хотелось бы указать на некоторые проблемы, требующие дополнительного изучения.

Отметим один не учтенный в монографии важный критерий акциональности: способность акциональных форм, в отличие от статальных, менять порядок следования событий в зависимости от линейного расположения относительно сочинительного союза, ср. немецкие пассивные формы *Das Fleisch wurde geschnitten und gebraten* «Мясо было нарезано и (потом) зажарено» и *Das Fleisch wurde gebraten und geschnitten* «Мясо было зажарено и (потом) нарезано» (с обратным следованием действий) и результативную форму *Das Fleisch ist gebraten und geschnitten* «Мясо зажарено и нарезано», в которой последовательность действий

при любом порядке сказуемых не фиксируется и речь идет лишь о двух одновременных состояниях. Интересным представляется также критерий дистрибутивности: множественное число субъектов состояния в результативе предполагает одновременность состояния, а в акциональной форме — одновременность либо разновременность, ср. русск. *Окна закрыты* и *Окна были закрыты* (в акциональном значении, возможно, имеется в виду, что они закрывались одно за другим); абхаз. *асг⁰ә јәһәнарәк ақх'ејт* «Кошка двух мышей поймала» (перфект), т. е. одновременно либо в разное время. Ср., однако, посессивный результатив: абхаз. *асг⁰ә јәһәнарәк јақнә јатовр* «Кошка двух мышей поймавши имеет» (= держит одновременно).

Показательно, что уже после выхода в свет рецензируемой книги исследование материала языков, с которыми авторы не работали, подтверждает адекватность предложенных ими синтаксических и семантических классификаций результатов. Можно лишь указать на некоторую неполноту классификации посессивных результатов, связанную с неясностью самого содержания посессивного отношения. Дело в том, что агенс во многих языках тривиальным образом оказывается посессором субъекта результирующего состояния (посессивная связь через предшествующее действие), ср. абхаз. *сав адгур ип⁰ә иргәлан итовр* «Отец дом Адгура построил» (букв. «построивши имеет», но дом принадлежит Адгуру). Иногда субъект состояния находится в еще более сложных отношениях с агенсом «посессором», ср. в эвенкийском: *Омблзи эиктэн-мә таду дяб ча-ра-н* «Мальчик игрushу там спрытанной имеет» (держит) (с. 252); абхаз. *јара ип⁰әс дд⁰әлканә дитовр* «Он жену выгнавши имеет» и т. п. Очевидно, в ряде случаев можно говорить о «негативно-посессивном» значении, например, при глаголах со значением утраты, ср. в бежтинском языке: *һуги кө'отәс баләј јеццак'Ра геј* «Он из рук книжку выпустивши имеет» (= выпустил).

Интересно было бы подробно изучить особенности синтаксических статусов в двухактантных результатах (посессивных и локативных). Так, по нашим данным, грузинский посессивный результатив, описанный в монографии на с. 272, нейтрален в отношении приоритетных статусов субъекта и объекта. В отличие от «нормальных» синтаксически аккумулятивных конструкций, типичных для грузинского языка, здесь и субъект, и объект могут контролироваться сочинительное сокращение, ср. *matas teleponi gamortuli akus da avar rekavs* «Отец телефон выключивши имеет и не звонит» (имеется в виду отец или телефон — не ясно), ср.

обычную конструкцию с аористой формой сказуемого: *taman teleponi gamorto la aḡar rekaw* «Отец телефон выключил и не звонит» (отец, но не *телефон), где сочинительное сокращение однозначия контролируется субъектом.

При чтении глав монографии, посвященных результативу в тех языках, где он означает лишь зрительно наблюдаемое состояние, можно подметить ряд стратегий, применяемых к глаголам, не удовлетворяющим этому требованию. Во-первых, в некоторых языках от таких глаголов результативная форма просто не образуется (китайский, с. 116—117). Во-вторых, может видоизмениться лексическое значение глагола, оно «достраивается» так, чтобы имело место наблюдаемое состояние. Так, в алеутском языке значение глагола «уходить» «достраивается» таким образом, чтобы он включал в себя и значение «вернуться»: тогда результатив допустим и имеет значение «пошел и вернулся» (с. 192). В нивхском языке (с. 145) и в языке эве (с. 236) используется другой прием: к глаголу «достраивается» признак частичного, неполного действия, направленного на уничтожение объекта: нивх. *hy lep im' -yṭa-d'* «Этот хлеб надъеден» (вм. *«съеден», что было бы ненаблюдаемым состоянием); эве *E1 voo* «Запасы кончаются, на исходе» (вм. *«кончились»).

В принципе та же стратегия используется и в языке догон в том случае, когда требуется образовать результативную форму от непредельного глагола (ситуация в догон описана в статье В. А. Плузгяна [7]). Значение глагола усложняется таким образом, что под результирующим состоянием понимается состояние, как бы «накапливающееся» в течение действия и наступающее не по завершении его, а начиная с некоторого неопределенного момента; можно согласиться с автором, что это значение уже нельзя считать результативным. Спорадически подобные формы встречаются и в других языках, ср. русск. *Он заплакан* или араб. *hiwa takdūdin* «Он изможден» от *kadda* «трудиться» (с. 335). Отличительной особенностью языка догон

является грамматичность этой формы, тот факт, что она образуется от большинства глаголов например *Wo jdb-a wo* «Он бежавши; как видно, бежал». Нам кажется, что эксплицитное описание в одном месте всех процессов «достраивания» глагольных значений было бы нелишним в рецензируемой монографии.

Отметим еще три малозначительных неточности: на с. 196 термин «вторичный посессивный результатив» употребляется явно не так, как это принято вначале (с. 25); определение днатежных типов ориентировано лишь на собственно результатив (с. 9), и применение соответствующих терминов к стиву нуждается в комментарии; часто употребляемый в монографии термин «совмещенный результатив» вызывает затруднения при чтении: следовало бы каждый раз оговаривать: «совмещенный с перфектом», «совмещенный с пассивом» и т. д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Типология результативных конструкций (результатив, стив, пассив, перфект). Л., 1983.
2. Козинский И. Ш. // ВЯ. 1985. № 5. Рец. на кн.: Типология результативных конструкций (результатив, стив, пассив, перфект). Л., 1983.
3. Холодович А. А. Проблемы грамматической теории. Л., 1979.
4. Недялков В. П., Отаина Г. А., Холодович, А. А. Днатеzy и залог в нивхском языке // Типология пассивных конструкций. Днатеzy и залог. Л., 1974.
5. Dahl Ö. On the definition of the telic-atelic (bounded — nonbounded) distinction // Syntax and semantics. 1981. V. 4.
6. Litvinov V. P., Nedjalkov V. P. Resultativkonstruktionen im Deutschen // Studien zur deutschen Grammatik. Bd 34. Tübingen, 1988.
7. Плузгян В. А. К определению результатива (универсальна ли связь результата и предельности?) // ВЯ. 1989. № 6.

Тестелец Я. Г.